

говорит, — ребята; бог вам в помощь». Мужики ему в пояс, — только молча: заробели знаете. И он словно сам робеет. Стал он им речь держать: «Я-де русский, — говорит, — и вы русские; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская...». Да вдруг как скомандует: «А ну, детки, спойте-ка русскую, народственную песню!» У мужиков поджилки затряслись; вовсе одурели» (Т., I, 64). И наконец — самое главное и существенное — Тургеневым созданы два шедевра русского художественного фольклоризма: «Бежин луг» и «Певцы».

В задачи настоящего очерка не входит подробное и исчерпывающее освещение вопроса о фольклоризме Тургенева — мы отмечаем лишь отдельные и наиболее существенные моменты этой большой темы, учет которых позволит правильное раскрыть смысл и значение одного из замечательнейших произведений Тургенева.

Сам Тургенев всегда считал себя учеником Белинского в вопросах фольклора. Он с восхищением отзывался о его знаменитых статьях, посвященных народной поэзии. Тургенев говорил, что Белинский как никто «чувствовал» «русскую суть», что она была «во всем его существе» (Т., XI, 414), и как пример приводил его статьи о Пушкине, Гоголе, Кольцове и «о народных песнях и былинах». Последние он особенно выделяет: «При слабости и скудости тогдашних филологических и археологических данных, — они поражают, — пишет Тургенев, — читателя глубоким и живым пониманием народного духа и народного творчества» (Т., XI, 414). В противовес большинству критиков, с негодованием писавших о «неуважении», якобы проявленном Белинским в этих статьях к русскому народу и о якобы полном непонимании его поэзии, Тургенев отмечал не только глубокую сущность воззрений Белинского на народное творчество, но и их патристическую направленность.

В сочинениях Тургенева можно найти прямые отзвуки суждений и отдельных высказываний Белинского о русской народной поэзии. Несомненно отзвуком мнений Белинского является замечание Тургенева о сказках Пушкина, которые он считал «самыми слабыми из» произведений великого поэта (Т., XII, 228—229). Свой отзыв он сопроводил словами: «как известно», явно намекая этим на соответственные критические замечания Белинского. В высказываниях Белинского следует видеть и источник — хотя чисто внешний — сентенций Потугина о русской народной поэзии, которые порой являются чуть ли не буквальными цитатами из статей Белинского. Таковы замечания Потугина о чувстве любви и ее выражении в русском народном творчестве, об образах Чурилы и Василия Буслаева, о роли культуры в развитии народного творчества. Иногда даже цитаты из былин, приводимые Потугиным, те же, что приводит в своих статьях Белинский «Разверните наши былины, наши легенды, — восклицает Потугин. — Не говорю уже о том, что любовь в них постоянно является как следствие колдовства, приворота, производится питием «забыдущим» и называется даже присухой, зазновой...» (Т., IX, 80). У Белинского: «Любовь до того была изгнана у этих людей из тесного круга народного созерцания жизни, что в самом браке являлась каким-то чуждым, греховным элементом, враждебным святости союза, освящаемого религией; вне же брака, она — бесовская прелесть, дьявольское навождение, нечистое вождение Змея Горыныча, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли после этого, что эта любовь является в подобных поэмах так простонародно-неэстетическою, так цинически-чувственною, так оскорбительною и возмутительною для чувства, в таких грубых формах?» (Б., VI, 391). Далее Потугин говорит: «Наша так называемая эпическая литература одна, между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представила — коли Ваньку-Таньку не считать — никакой типической пары любящихся существ; что свято русский богатырь свое знакомство с суженой-ряженой всегда начинает с того, что бьет ее по